

1.

Жизнь Юрия Богословского - не повесть, а роман. Роман с несколькими сюжетными линиями, роман психологический, роман приключенческий и даже детективный... И если бы он написал этот роман своей жизни - это было бы интереснейшее чтение.

Но Юрий Петрович не любит рассказывать о себе.

И хотя кое-что он мне рассказал, но предупредил: «Об этом не надо писать». Я и не буду. Приведу лишь самые общие факты его биографии...

Юрий Петрович Богословский принадлежит к знаменитому в Вологде роду Непеиных, ведущему своё происхождение от Осипа Непеи - Вологодского наместника и первого русского посла в Англии во времена правления Ивана Грозного.

Почему же одна из ветвей рода получила фамилию Богословские? Один из предков Юрия Петровича получил эту фамилию по окончании семинарии (по приходу церкви Иоанна Богослова в Грязовецком уезде, откуда был родом).

Среди Непеиных и Богословских много священников и пишущих людей. Дед Юрия Петровича - священник Николай Богословский служил в Кубенском, он автор очерка об этом селе (в память о нём в Кубенском ежегодно проводятся краеведческие «Богословские чтения»).

Наиболее известен Сергей Александрович Непеин (1870 - 1911), вологодский священник, автор книги «Вологда прежде и теперь». Его сын Борис Сергеевич Непеин (1904 - 1982) - один из ведущих вологодских поэтов 1920-х годов, автор сборников: «Брызги», «Под Красной Звездой», «Северный ветер», член правления РАППА, был незаконно репрессирован, после возвращения в Вологду работал в библиотечной системе, писал статьи, рецензии. (Я писал о Борисе Непеине в очерке «Из рода Непеи»).

- Борис Непеин - двоюродный брат моего отца, - рассказывает Юрий Петрович. - Он не реализовал свой талант. Человек отсидел десять лет, кто ему даст печататься...

Он показывает фотографии на стене в своей комнате:

- Вот мой отец - Пётр Николаевич Богословский. Вот мой старший брат Борис. Мама - Карпова Александра Фёдоровна. Моя старшая сестра Наталья Петровна. Ещё жива сестра Нина, младшая... В 30-е годы отец был чиновник, начальник финансового отдела треста. Он с 1898 года рождения, перед Первой мировой поступил в Петербургский университет, когда началась война, попал в школу прапорщиков. Революция застала его в Петрограде, никакого участия в революции он не принимал. Служил потом в Красной Армии, у Самойло, что-то по хозяйственной части. А потом работал в Вологде...

Юрий Петрович Богословский 1934 года рождения, семья жила в доме, на месте которого теперь стоит центральный универмаг.

- Отца пригласили на работу в Красноярск, три года там жили, вернулись как раз перед войной. Отца по возрасту

уже не призывали, но многие родственники участвовали в войне. Двое моих двоюродных братьев воевали - один вернулся, а другой погиб под Ленинградом...

Учился Юрий Богословский в школе № 1 города Вологды, один год в городе Добрянка Молотовской (Пермской) области, а закончил уже вологодскую школу № 9.

- В Добрянке тётка жила, меня туда на исправление мать отправила. Хулиганил, - коротко говорит Юрий Петрович. И добавляет: - Все мои бра-

газете «Вологодский подшпик». Я работал тогда на ГПЗ. Меня за него хотели побить. Ну, обошлось... Меня возмутило, что говорят одно, а делают другое, - вспоминает Юрий Петрович.

Рассказы Юрия Богословского публиковались в сборнике «Дверца», в журналах «Север» и «Лад». Отдельной книгой издавался сборник «Казачий штос».

Но самыми важными, значительными своими произведениями Ю. П. Богословский считает две большие повести «Не-

теки. И откроют её - когда придёт время... Заманчивый сюжет, правда?

Но перейду от фантастики к книге о самом Юрии Богословском, как он говорит. К повести «Франсуа Вийон. Повесть о свободе и благодати».

Повествование о Вийоне начинается со стихотворения Франсуа, в котором есть такие строчки:

*«... Со школьных дней
я воровал,
Мне домом был притон.
Стихов никто так не писал,
Как Франсуа Вийон...»*

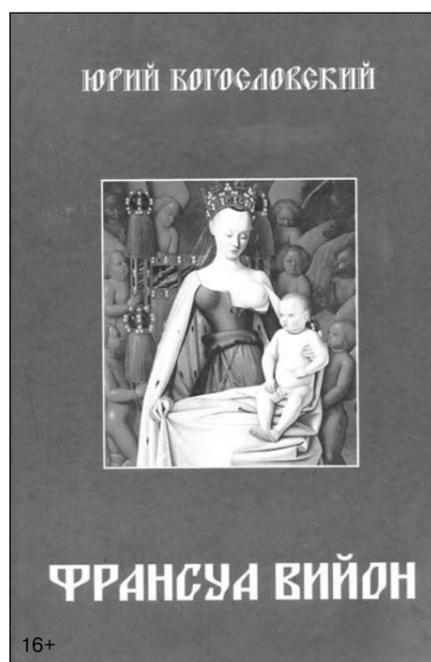
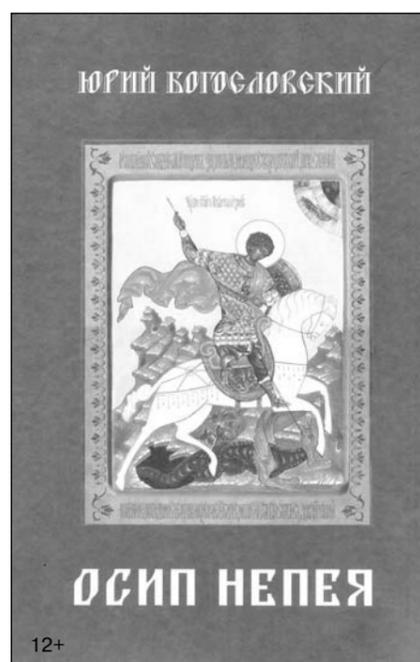
Дмитрий ЕРМАКОВ

есть украсть... Франсуа возьмёт легко - но с тем, чтобы сразу же растратить, ничего не оставив себе. Таков истинный блатняк, и ему смешно смотреть на дураков, которые, ничего не понимая, гребут под себя, но, как правило, всё впустую. Слышал ли кто-нибудь, чтобы в кармане Франсуа Вийона звенели золотые или серебряные монеты? Никто не слышал... Поскольку он хоть и вор, но выше монет».

Да разве это о Вийоне? - это о нём, о Богословском. Это он, хоть и был вором, но был выше монет. И, перестав быть вором, остался выше монет...

Закон, свобода, благодать...

(О Юрии Богословском и его книгах)

*... Что делать мне,
куда пойти?
Я на земле -
в аду.
Писать стихи
и воровать
Нет блага никому.»*

Вийон был выпускником Сорбонны, первым поэтом Франции и уголовным преступником, приговорённым даже к казни:

*«Я - Франсуа,
парижский хват,
И казни жду,
отнюдь не рад,
Что этой шее
объяснят,
Сколь тяжёк
на весу мой зад.»*
(Пер. Ю. Корнеева)

Одна из главных жизненных идей Юрия Богословского - нестяжательство. И имя Нила Сорского неслучайно одно из заветных для Юрия Петровича...

«Тюрьма..., что она делает с людьми, никому не ведомо, иной раз подводит к такой черте, что вчерашний преступник умирает и нарождается новый человек, но уже честный, глубоко переживающий о том, что было им совершено ранее...» И вот такой переворот происходит с Вийоном, он решил «завязать». «Если... перетряхнуть его беспорядочную жизнь, то станет ясно, что ни о какой свободе воли в его жалком прошлом нельзя вести и речи - он раб, самый настоящий раб своих страстей, которые его уже погубили». Как быть тому, кто хочет изменить свою жизнь? - встаёт вопрос перед Франсуа Вийоном. А отвечает на этот вопрос Юрий Богословский: «Уповать на милость Божию, на чудо». Ибо человеческих сил зачастую не хватает на то, чтобы, ступив на новый жизненный путь, не оступиться вновь.

Вот тут-то и понимаешь, почему это «повесть о свободе и благодати». Ведь это прямая отсылка к знаменитому «Слову о законе и благодати». Так, волей автора, ведут заочный диалог Святитель Иларион и поэт Франсуа Вийон. Такой разгон мысли Юрия Богословского!

Высший идеал - свобода. Но без закона, данного Богом, истинная свобода не достижима. Истинная свобода - благодать Божия, только прими. «Из всех этих открытий, которые сделал для себя Франсуа Вийон, неизбежно вытекало, что состояние закона и благодати Христовой - истина вдвойне, поскольку принадлежат душе, твёрдо стоящей на пути выхода из греховного тупика».

Ну, а кроме всего этого - автор замечательно передаёт и повседневность, и дух средневековой Франции: рыцарские турниры и турниры поэтов, разговоры герцогов и королей, алхимиков и воров... И откуда Юрий Богословский всё это знает?..

тья и сёстры получили высшее образование. И я получил высшее образование, в 43 года поступил в педагогический институт и закончил его. А после института ещё и духовное училище закончил. Поступали в училище мы вместе с поэтом Юрием Макаровичем Ледневым. Он не смог доучиться, а я закончил...

Писать Юрий Богословский начал с 1977 года. Ему уже было 43. В том же году он в последний раз освободился, завязал и с алкоголем, и с «преступной идеологией». Если к 9-му классу он (по его же словам) был «законченным преступником», то нетрудно сосчитать, сколько лет было отдано «той» жизни... Кое-что мне рассказал Юрий Петрович - страшное дело! Но на этом и остановимся... Всё же судьба вывела его к книгам, а главное - к вере. «У меня это всё в крови. Священники были в роду постоянно...», - объясняет сам Богословский.

Всё же опыт «той», до нравственного переворота, жизни отразился в некоторых рассказах Юрия Богословского. Мне запомнились ещё в начале 90-х «Казачий штос» и «Орфей на пересылке». Были и другие рассказы...

- Первый рассказ был «Рационализаторы в кавычках», фельетон, напечатали его в

«Франсуа Вийон», которые он выпустил сам, за свои деньги.

- Десять лет копил деньги и издал первую книгу про Непею. А со второй как-то быстрее, легче получилась...

- Ну, почему Непея - понятно. А почему Франсуа Вийон? Да ещё и подзаголовок к повести о нём «повесть о свободе и благодати»...

- Потому что это книга обо мне. Если хотите узнать всё обо мне - прочтите эту книгу, - отвечает Юрий Богословский.

И на этом я и перейду к книгам...

2.

О «Непее» много говорить не буду. Книга интересная, книга об Осипе Непее, об Иване Грозном и... о борьбе с пьянством. Вот такое, вроде бы, странное сочетание... А вы прочтите - весьма любопытно, хотя по мне так - местами слишком уж нравучительно...

Но в связи с этой повестью придумался вдруг приключенческий сюжет: Иван Грозный, готовясь к плаванию (или побегу?) в Англию, перевёз легендарную библиотеку в Вологду. Где она спрятана - знал Осип Непея. Знание это передаётся в семье Непеиных-Богословских. Они - хранители библио-

Николай ДЕГТЕРЁВ

«Книгу жизни еще полистаем...»

Читатели «ЛМ» уже имели возможность познакомиться с прозой Николая Дегтерёва. А сегодня - стихи из его новой книги. Прочитав её, я поздравил себя и всех нас с новым поэтом. И теперь уже жду новые книжки и стихи Николая Дегтерёва...

Д. Е.

АВТОБИОГРАФИЯ

Как справиться
с этим вихрем, с таким
Чудовищным вихрем дней?
Идёт этот вихрь

по моим родным,
Уносит родных людей.

Так был у меня отец, но он
Однажды ушёл во тьму,
А, может быть,

за небесный кордон
К Господу моему.

И маму, и многих-многих других
Земля в себя приняла.
А жизнь шла по земле без них,
Как бы по их телам.

И время шло, стучали часы,
Стучали мои поезда.
И, будто звёзды,
склонялись весы
В сторону смерти. Да,

Я думал, что близок
и мой конец,
И я принимал конец.
Но вдруг я увидел, что жив отец,
В ладони сжимая крест.

И в доме моём
расступился мрак
Перед новой семьей,
Перед другими родными, как
Те, что слились с землёй.

И в доме моём голоса звучат,

Машинка стирает бельё,
Скрипит коляска,
сердца стучат –
Сына, жены и моё –

Для новой жизни,
для нового дня,
Которому нет конца!
А из коляски глядят на меня
Глаза моего отца.

ЖЕНЕ

Нету сил. Опускаются руки.
Но держись, моя радость,
держись,
Эти слёзы, обиды и муки -
Это всё называется жизнь.

Мы учились не этому зренью,
А достоинству, воле, борьбе,
И совсем не учились
терпенью –
Слишком сложно - и мне, и тебе.

Ничего, что мы это не знаем –
Наверстаем, изучим, поймём,
Книгу жизни ещё полистаем,
И параграф искомый найдём,

Посидим над учебником этим,
Мудрость каждого зная листа,
Как послушные малые дети
На уроке Иисуса Христа.

ДОЧКЕ

Ты куклу уронила,
и я сказал: «Смотри,
невидимая сила
исходит изнутри,

смотри, она живая,
и требует опять,
глаза приоткрывая,
её на ручки взять.

6+ Она жива, покуда
ты, доченька, растёшь
и веришь в это чудо,
и на руки берёшь.

Творят любовь и вера
великие дела!..»

Ты куклу пожалела,
а слов не поняла.

Поведай грядущему миру
про светлое детство твоё,
про муки призванья, и лиру,
и чем ты рискнул для неё.

Поведай о Родине, или,
вернее, о старом дворе,
где дерево в солнечной пыли,
с зарубками на коре.
Влюблённости воздух
бесплотный

и трудный любви пережной
пусть в стих проникают
свободный,
пусть выскажутся тобой.
Поведай о смерти, о горе,
о том, как печальны кресты,
о том, как не скрыться от боли
в присутствии пустоты.
Поведай о внутренней битве,
о самом тебе дорогом:
о вере скажи, о молитве,
о Боге, незримом, благом,
о том, что вот это - основа
и вечная участь души!..
...но только о главном - ни слова,
ни слова не напиши.

Я видел в жизни только радость.
Ах, отчего же только радость?
Ах, отчего такая младость,
Такая ветреная младость

Меня кружила по зелёным,
Родным, шекснинским,
раскалённым
Лугам, и светом заливала,
И столько радости давала?

Я плакал на траве горячей
От этой радости незрячей,
Слепой, затем, что недостойн
Её вместить -

не столь просторен
Мой дух для этого блаженства,
Внутри него не хватит места,
И разорвёт меня на части
Избыток счастья.

Но свет потусторонний лился,
А я вмещал - я сам светился,
Неосторожно проливая
Его вокруг. Вода живая,
Он наполнял меня с избытком,
Он был моей едой, напитком,
И другом был, и был любимой,
Моей виной неисцелимой.

Моей виной перед другими,
Таковыми мрачными, такими
Забываемыми на поворотах,
Забываемыми в годах и бродах,
Стремнинах жизни нежеланной,
Дремучей, трудной,
бесталанной,
Такой необъяснимо тяжкой,
Такой неотвратимо нашей.

Я знаю, мне даётся даром.
Я знаю: этим чудным даром
Я должен с вами поделиться -
Я должен сам теперь светиться.
Но где мне взять такую силу,
Но где мне взять любовь такую -
За всю Шексну,
за всю Россию,
Кошмарную и дорожную?

Андрей ЛУШНИКОВ

«И будет радость многоликой...»

«Встреча с тишиной» называется книга стихов Андрея Лушников, автора, пока мало известного вологжанам.

Андрей Лушников - член Союза писателей России, поэт и прозаик, бард. В Вологду переехал не так давно с Алтая...

Ну, что ж, будем узнавать нового автора.

Тает март. Под косогором
Зарождается река.
Облако с прямым пробором
Улыбнулось свысока.

Этой рады перемене
Ходят галки по полям,
И зимы холодной тени
Прячут мыши по щелям.

В битве с тьмою передышка,
Даль прозрачна и светла.
Лишь душа моя - ледышка,
Всё не тает от тепла.

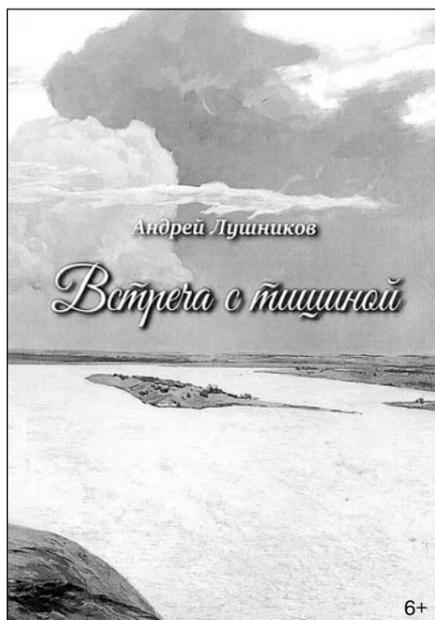
ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ

Стоят на горюшке старушки-избушки,
Их лица от ветра рябы.
Два жителя это глухой деревушки
Пошли в ближний лес по грибы.
Один - быстроглазый

безусый мальчишка
С копной рыжеватых волос.
Другой же -

с тонюсенькою бородашкой,
И сам будто мохом оброс.
И вот, когда день время

сдвинул немножко,
Чтоб тихо росу отряхнуть,
Два жителя эти, набрав по лукошку,
Присели на пень отдохнуть.

«Скажи мне, дедуля,
что главное в жизни?»

Она для меня как в дыму.
И что отвечать мне её укоришне,
Когда я её не пойму?»

Помедлил старик, все года,
как усталость,

Рукой разогнал по усам:
«Нужна нам, парнишка,
лишь самая малость –
Душой прилепись к небесам!

Нам мало воды и насущного хлеба –
Без Бога мертвы мы, как пни.
Вот, видишь,
деревья все тянутся в небо,
Хотя и бездушны они».

РАБА БОЖИЯ

У храма, что на Глинках,
Скрипучая калитка.
Как василёк косынка,
И на плечах накидка.

Из-под белёсой прядки
Глаза, как неземные.
На всех глядит украдкой –
Все милые, родные.

На всех глядит украдкой.
Её ресницы зыбки,
И теплится загадка
В застенчивой улыбке.

Скрипучая коляска.
И щёки в цвет ранеток,
И на коленях связка
Едва пушистых веток.

А руки - для объятий!
Ей целый космос жалко!
Того, Кто на осляти
Встречает на каталке.

Если вдруг молва пойдёт по следу,
Я надену старое пальто,
В деревеньку дальнюю уеду,

Где не знает и не ждёт никто.

И вот здесь, в моей тоске высокой,
Я на быт не стану притязать.
Спрячусь где-то над речной протокой,
Чтобы тихо раны зализать.

Посижу в заброшенной лодчонке,
Улыбнусь у рожи соловью.
И совсем простому мужичонке
Душу распахну и изолью.

Расскажу обиды, сердцем тляя.
И ответит скромный старожил,
Головой кивая и жалая:
«Коль обижен - значит, заслужил».

И, как будто провернётся ворот,
Словно окажусь перед дверьми.
Я назад к себе поеду в город
Примиряться с Богом и людьми.

И будет радость многоликой,
И будет небо звать поэтов,
И будет лес глядеть черничкой,
Взгляд будет тёмно-фиолетов.

И будут облаков причуды
Лежать над лесом снежной грудой,
И в одиночества запытки
С рекой вплывут широкогрудой,

И к морю вынесут с волною
Живой воды, воды нетленной,
Коль будет встреча с тишиной
Души усталой и смиренной.

Меня зовут Юра Тучкин. Я учусь в шестом классе. Класс у нас дружный, после школы мы часто ходим гулять. Зимой играем в снежки. Обычно ребята все вместе закидывают меня снегом. Потому что я большой.

Порой меня в классе дразнят. Мама говорит, это потому, что я пухлый. Нужно просто не обращать внимания. Если бы у меня был папа, он бы, наверное, тоже так говорил. Ещё мама говорит, что я израстаю. Я так и не спросил у нее, что это значит...

Меня дразнят из-за того, что я толстый. Но иногда мне кажется, что если я перестану быть толстым, то меня все равно будут дразнить. Найдут, за что. А если не найдут, то, в конце концов, будут дразнить меня за то, что я Юра Тучкин.

Когда меня дразнят, я стою и думаю, что бы сказать в ответ, но ничего не могу придумать. Проходит пара секунд, и все начинают смеяться. Я тоже смеюсь вместе с ними.

Это правда, что я люблю покушать. По субботам мама готовит вкусные пирожки: иногда печет шарлотку, а иногда - пирог с курицей. А по праздникам она делает мой любимый салат - с крабовыми палочками, я его много могу съесть. И маму я тоже люблю. В субботу часто приходит друг Димка. Мы с ним не учимся вместе, но он очень хороший. Едим пироги, а потом идем гулять или играем в компьютер.

Быть толстым не очень при-

ятно. Это как будто у тебя нету руки или ноги. Ты, вроде, такой же, как и все. Но не можешь делать то, что делают другие. Не можешь быстро бегать, не можешь высоко прыгать. Но я уже привык...

Говорю я обычно тихо. Мне кажется, если меня услышат, то произойдет что-то нехорошее. Обычно ничего плохого не случается. Но я все равно говорю тихо. Мало ли что...

У нас хороший классный руководитель - Евгений Сергеевич. Он молодой и любит над нами подшутить. Он учитель физики. Часто Евгений Сергеевич рассказывает интересные истории из своей жизни.

Сегодня суббота. С одной стороны, по субботам надо идти в школу, а с другой - мама готовит пирожки. И я все время не знаю, какая у меня суббота - хорошая или плохая. Но сегодня плохая суббота. И вот почему.

После уроков мы сидели в нашем классе. Кабинет Евгения Сергеевича на третьем этаже, и отсюда видно гаражи и дорогу. Я не люблю этот кабинет, потому что из окон дует. Девочки выставляли нам в дневники оценки - Евгений Сергеевич не

успел выставить. У него много дел. Я заметил, что взрослые постоянно заняты. Но когда я их спрашиваю, чем они заняты - мне редко отвечают. Наверное, я еще не дорос до серьезных вещей.

Евгений Сергеевич громко называл фамилию, предмет и оценку, а девочки выставляли отметки в нужный дневник. Мы с друзьями сидели на задних партах и слушали. Скоро пришел одиннадцатый класс - они уже совсем большие и через четыре месяца закончат школу. У них был урок, но Евгений Сергеевич не торопился начинать.

Мой дневник - последний. Вообще, я часто бываю последним. На физкультуре прибегаю всегда последним, из столовой прихожу последним. Я не знаю, что плохого в том, чтобы быть последним. Мне кажется, в этом нет ничего страшного. Просто другие прибежали быстрее, вот и все...

Евгений Сергеевич был сегодня в шутовом настроении. Мне выставили оценки, и я не нашёл 4 и 5 по русскому. Я спросил у Евгения Сергеевича, где они. Он стал говорить мне: «Ты что-то перепу-

тал». Но я не мог перепутать, я же помню, как два раза выходил к доске. Одиннадцатиклассники почему-то начали смеяться, когда я подошёл к столу, за которым сидел Евгений Сергеевич. Я просто не обращал внимания, как учила мама.

Никаких 4 и 5 в журнале не оказалось. Зато оказались двойки. Евгений Сергеевич начал читать мои оценки одиннадцатиклассникам. Мне стало обидно. Другие учителя так не делали. Я люблю наших учителей.

Оценки у меня плохие. Мама никогда не ругает меня, даже за двойки. Она говорит, что детей ругать нельзя. Может, мама неправда?

Когда Евгений Сергеевич читал вслух мои двойки, мне стало стыдно и холодно, как будто меня закидали снегом. Я спрятал руки в карманы жилетки. Стало гораздо теплее, но почему-то дрожала нога в одном месте. Было тяжело дышать. Обычно, когда я так себя чувствую, то прошу, чтобы меня отпустили домой. Руки в карманах жилетки согрелись, и теперь мне стало жарко. Евгений Сергеевич еще не закончил.

Выяснилось, что на прошлой

неделе он не выставил мне еще одну двойку. Одиннадцатиклассники смеялись, им было очень смешно, оттого что у меня четыре двойки, а не три. Я тоже хотел посмеяться, как обычно делаю, когда меня дразнят. Но не смог.

Евгений Сергеевич говорил еще минуты две. Обиднее всего, что он сам тоже смеялся. Теперь я дергал жилетку за карманы. Не знал, куда пристроить руки. Я уже не помню, что он говорил. Вроде, про то, что мама не расписалась в дневнике. Она забыла.

В конце Евгений Сергеевич шуточно спросил: «Я не выставил тебе двойку, что ты должен сказать?». Я растерялся, покраснел. Не понимаю, чего от меня хотели. Потом кто-то с задней парты шепнул: «Спасибо». Я сказал «Спасибо», и все засмеялись. Я не знал, что мне еще ответить. Выходит, я поблагодарил учителя за то, что он не выставил мне двойку. Евгений Сергеевич отдал мне дневник. Одиннадцатиклассники смеялись над тем, что у меня четыре двойки по русскому. Но мне казалось, что они смеются над тем, что я Юра Тучкин.

Под конец Евгений Сергеевич сказал: «Видишь, Юра, это одиннадцатиклассники. Они уже большие и скоро поступят в институт. Хочешь быть, как они?». Я молча пошёл к выходу. В какой-то миг мне захотелось ответить. Но не мог же я сказать, что не хочу быть такими, как они. Я мог их обидеть...

Илья ЛЕБЕДЕВ

Юра Тучкин

рассказ

Книжная полка «Маяка»

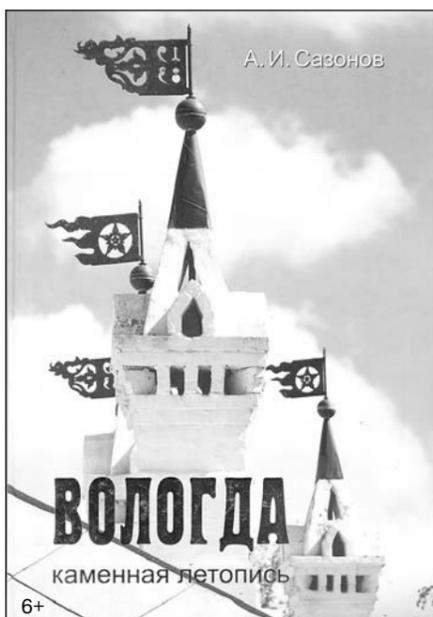
Красивые книги о красивых городах

Две книги от издательства «Древности Севера» представляю читателям. Обе изданы, как и всегда в этом издательстве, на высочайшем уровне...

«ВОЛОГДА. КАМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ»; А. И. Сазонов. - 3-е изд., испр. и доп. - Вологда: Древности Севера, 2016.

В аннотации читаем: «Книга написана в излюбленном автором жанре фотозкскурсии. Это богато иллюстрированное издание в популярной форме рассказывает о каменном зодчестве Вологды. План-схема старого города даёт возможность проехать или пройти по выбранному маршруту и осмотреть памятники каменного зодчества...»

Директор научно-издательского центра «Древности Севера» Марина Васильева в предисловии добавляет: «Перед вами - третье издание книги А. И. Сазонова «Вологда. Каменная летопись», первое увидело свет в 2008 году... Незамет-

но прошло десять лет с тех пор, как нам удалось сподвигнуть Александра Ириневиича в дополнение к его ранее издававшейся книге о деревянной Вологде написать текст, посвященный каменной вологодской архитектуре...

За десять лет общий «ушедший в народ» тираж книги составил 13 тысяч экземпляров...

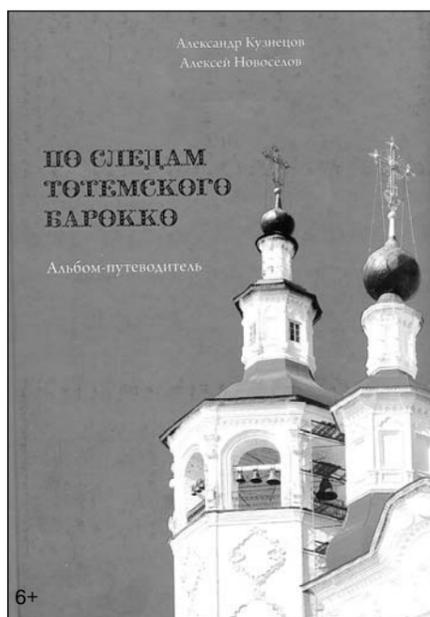
За десять лет книга не утратила актуальности. Порой даже кажется, что со временем это издание становится всё более востребованным. И это несмотря на то, что сегодня наблюдается спад интереса к традиционной книге. Автор, как опытный экскурсовод, большой любитель истории и патриот Вологды, смог угадать что-то важное, позволяющее «Каменной летописи» удерживать интерес читательской аудитории...»

От себя добавлю, что деятельность А. И. Сазонова по популяризации краеведения, истории Вологды схожа с тем, чем занимался Станислав Зайцев, о котором рассказывается в предисловии ко второй книге, о которой хочу рассказать читателям.

Вторая книга - «По следам тотемского барокко». Один из её авторов, хорошо знакомый читателям «Литературного маяка» писатель-краевед Александр Кузнецов.

«ПО СЛЕДАМ ТОТЕМСКОГО БАРОККО: АЛЬБОМ-ПУТЕВОДИТЕЛЬ»; Александр Кузнецов, Алексей Новосёлов; МБУК «Тотем. муз. об-ние». - Вологда: Древности Севера, 2016.

Альбом-путеводитель приоткрывает завесу тайны над происхождением и особенностями тотемского ба-

рокок, одного из самых любопытных и малоизученных архитектурных течений русской провинции 18 века. Авторы - краевед-исследователь Александр Кузнецов и директор Тотемского музейного объединения Алексей Новосёлов - рассказывают о 23 храмах в стиле тотемского барокко, созданных на территории Вологодской и Костромской областей. Повествование сопровождается информацией о том, как добраться до каждого упоминаемого в книге архитектурного памятника.

Посвящена книга памяти Станислава

Михайловича Зайцева.

Несколько цитат из предисловия к книге: «... «Эх, был бы сейчас жив Станислав Зайцев - уж тогда бы Тотьма давно была известна всей стране, а то и всему миру!» Эти разговоры не кажутся фантастикой... Имя первого градозащитника, экскурсовода, научного работника, самобытного поэта, художника и неутомимого, как бы мы сейчас сказали, пропагандиста историко-культурного наследия Тотьмы давно встало в один ряд с именами выдающихся земляков...»

«И один в поле воин, если он Зайцев...» В 70-е годы прошлого века, когда советским генпланом предполагалось снести весь исторический центр Тотьмы и застроить его безликими домами из силикатного кирпича, воспротивился тому один Зайцев - и ведь дошёл до самой Москвы, достучался до чиновников от культуры. После визита в наш город специалистов Минкульта СССР, проведённой экспертизе и выявлению десятков памятников историко-культурного наследия речь о генплане уже не шла...

Станислав Зайцев стал одним из первопроходцев в деле изучения тотемского барокко и - уж точно - главным пропагандистом этого удивительного стиля...

Зайцеву верили, за ним шли... Но преждевременная смерть этого человека в самом расцвете его научно-краеведческой деятельности оборвала многие смелые начинания...

Каждому бы русскому городу по своему Зайцеву, по своему Сазонову!..

Д. Е.

Редактор выпуска Дмитрий ЕРМАКОВ.